
СИТУАЦИЯ «СМЕРТЬ ПОЭТА» В ЛИРИКЕ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО

У.Ю. Верина

Кафедра русской литературы
Белорусский государственный университет
ул. К. Маркса, 31, Минск, Беларусь

В статье рассмотрен комплекс тем, мотивов и образов, составляющих ситуацию «смерть поэта» в лирике В. Блаженного. Использован архивный материал, в том числе неопубликованные произведения (всего 270 стихотворений).

Ключевые слова: «смерть поэта», ситуация, мотивы дуэли и смерти, образно-тематические гнезда.

Исследователи литературы уже отмечали тот факт, что стихотворение М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» стало началом «надындивидуального цикла» в русской поэзии XIX—XX вв. Были выделены черты, объединяющие произведения цикла в подобие жанра: двухчастная структура, цитатность, реминисценции «из того поэта, которому они посвящены», а также других стихов данного тематического комплекса [1. С. 193—195]. Надо сказать, что число произведений, которые можно было бы включить в цикл, велико, и далеко не все они подчинены требованиям первоисточника. Историческая удаленность при этом не имеет решающего значения: так, стихотворение Ф.И. Тютчева «29-е января 1837», написанное в июне или июле 1837 г., по наблюдениям А. Долинина, не хранит «жанровых» черт [2], тогда как в стихотворении «Смерть поэта» Б. Пастернака, посвященном В. Маяковскому (1930), они присутствуют. Понятием жанра не охватывается все многообразие художественных явлений, возникающих как отклик на лермонтовское стихотворение. «Смерть поэта», как будет показано далее, не всегда можно назвать и темой лирического произведения, хотя, казалось бы, тема является весьма обобщенной категорией.

Есть еще более общий вариант, включающий в круг рассмотрения мотивы, образы, цитаты разной степени удаленности от оригинала — понятие «ситуация». Оно кажется удачным, поскольку не подразумевает сущности (отвечающей на вопрос *что?*), такой как жанр или тема, а вводит исследование в поле рефлексии на «смерть поэта», которое может быть понято сколь угодно широко и вместе с тем имеет определенные границы.

Подобная аргументация была использована философами при определении постмодернизма как культурной ситуации: постмодернизм не есть некая сущность, т.е. не содержит специфических свойств (они все представлены в модернизме), а есть «специфическая рефлексия на эти черты» [3. С. 325].

Понятие «смерти поэта» как ситуации приложимо к сложной системе, какой является лирика В. Блаженного (1). Темы и жанры, мотивы и образы предстают в ней во взаимосвязанном единстве: это сложное целое с центром, который мо-

жет быть определен как «тема поэта и поэзии». Безусловно, она важнейшая в лирике этого автора.

Поскольку мы пытаемся охватить большой материал (из архива поэта была сделана выборка из 270 стихотворений), главной задачей было вычленение образно-тематических гнезд и создание своего рода классификации, что, на наш взгляд, должно стать началом более детального аналитического рассмотрения многообразного наследия поэта.

Итак, отметим, что названная ситуация осмысливается прежде всего как пушкинско-лермонтовский текст, который входит в поэзию В. Блаженного с мотивами дуэли и смерти, как основа, «матрица», на базе которой возводятся все образно-тематические гнезда, имеющие отношение к ситуации.

Уже эта основа двойственна: стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» насыщено цитатами из произведений Пушкина [4]. Сдвоение в поэтической системе В. Блаженного — один из приемов. Убийца Пушкина и убийца Лермонтова, часто называемые парой, в стихотворении «Поэты» (1967), превращаются друг в друга: «...Блистательный убийца / Пакует чемодан. / Он едет из столицы / В другие города. / Лицо его двоится / В стеклянном блеске гор... / Блистательный убийца / Приехал в Пятигорск».

Имена Пушкина и Лермонтова почти всегда рядом в стихах В. Блаженного, они представлены как единое и неделимое начало русской поэзии. Вот примеры стихотворений, в которых имена великих поэтов становятся одним поэтическим образом: «Ты увидишь, как снег намедает сугроб на опушке...» (1990); «А это Пушкин кровью истекает...» (1991), «...И голос Пушкина запечатлен в дубраве...» (1994), «Нет, больше меня вы на это не купите...» (1995), «Мне кажется, что Лермонтов и Пушкин...» (1995), «Возвращаются мертвые в будничном виде...» (1997), «Какой-то человек в безликой маске...» (1997) (2).

Далее сдвоенный образ разветвляется. Часто в стихах В. Блаженного Пушкин, Цветаева, Есенин выступают как необходимый триумvirат в осмыслении темы поэзии, судьбы поэта («Говорила мне Муза-крестьянка...» (1979); «Не посягайте на мои игрушки...» (1996)). Этот триумvirат может быть иным. Например: Пушкин, Лермонтов, Маяковский («Возвращаются мертвые в будничном виде...» (1997)). Он может быть расширен: Пушкин, Лермонтов, Ахматова, Гумилёв, Маяковский («Казалась смерть лишь побрякушкою...» (1997)), Лермонтов, Есенин, Ахматова, Цветаева («Это слезы старухи Арсеньевой...» (1997)).

К некоторым поэтам мысль В. Блаженного обращается чаще. Так, большой несобранный цикл образуют стихи о Лермонтове. Цикл 1975 г. «Стихи Цветаевой», состоящий из четырех текстов, дополняют отдельные произведения, посвященные поэте (только с 1966 по 1997 г. их написано 25, есть и другие). В особые комплексы могут быть выделены стихи, посвященные Есенину, Клюеву, Блоку, Ахматовой, Мандельштаму, Гумилёву, Маяковскому, другим поэтам. В каждом мотив смерти ведущий, и, соединяясь с образом поэта, с темой поэзии, он продуцирует ситуацию «смерть поэта».

Вот как мотив смерти вплетен в стихотворения, посвященные Мандельштаму: у поэта «потусторонний взгляд» («А Мандельштаму сорок семь...» (1978)), «Этот

воздух гудит, как судьба Мандельштама / Это значит: сегодня живет человек, / А назавтра могильная ждет его яма...» («Отечество» (1979)), «Огромный труп Мандельштама / У дьявола на горбу» («Какая гора страданий...» (1992)), ответом на строки Мандельштама «Неужели я настоящий / И действительно смерть придет?..» стало четверостишие 1997 г. «И действительно смерть пришла...», к Мандельштаму обращено стихотворение «Я за руку держу умершего поэта...» (1997).

С творчеством Мандельштама в творчестве В. Блаженного много сближений. Сама структура поэтического мира обоих авторов, сложная, разветвленная, в отражениях и переплетениях являющая разные грани повторяющихся образов и мотивов, принципиально сходна. Приведем первые слова эссе Мандельштама «Разговор о Данте» (1933): «Поэтическая речь есть скрещенный процесс...», и далее: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны...», — так были сформулированы принципы ассоциативности, сцепления слов, свойственные его поэтике.

С образом Мандельштама у В. Блаженного связано романтическое представление о смерти как свободе. «Памяти О.Э.М.» посвящены такие строки: «Он узнает свои невзгоды, / Он узнает свою судьбу: / Последним воздухом свободы / Поэтам дышится в гробу!..» (1981).

И из этого четверостишия «торчат в разные стороны» смыслы мандельштамовского «Концерта на вокзале» («Нельзя дышать, и твердь кишит червями...»), с его пушкинской и блоковской темами, с предвестием собственной судьбы. И. Сурат, связывая тему удушья в стихах Мандельштама с метафорой времени, вспоминает речи Блока о том, что Пушкина «убило отсутствие воздуха», «поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем», а также тютчевские строки, процитированные И. Одоевцевой (как всегда, неточно): «Да, я дышу еще мучительно и трудно. / Могу дышать. Но жить уж не могу» [5].

«Мандельштам называл „удушьем“ периоды, когда он не мог писать стихи, — отмечает И. Сурат. — С какого-то момента мотивы духоты, затрудненного дыхания становятся у него постоянными: „Душно — и все-таки до смерти хочется жить...“ („Колот ресницы...“ (1931)), „Мне с каждым днем дышать все тяжелее...“ („Сегодня можно снять декалькомани...“, 1931) — вплоть до задыханий и одышки в стихах последнего воронежского года, когда он уже был болен и действительно плохо дышал... Но пока, в 1921 году, эта тема смертного удушья с физическим здоровьем никак не связана — это метафора времени, как и „советская ночь“» [5]. А сама связка «дышать — жить» появилась уже в самых ранних стихах Мандельштама («Дано мне тело — что мне делать с ним...» (1909)): «За радость тихую дышать и жить / Кого, скажите, мне благодарить?»

У В. Блаженного мотивы «дыхание — жизнь — творчество» сведены в прекрасном образе того, кто для Мандельштама был солнцем: «...все мы / С улыбкой покачали головой — / Уж этот Пушкин... / Вдох и выдох:/ Пуш-кин / Дыханье наше...» («...А так не говорил еще никто...» (1981)).

На мандельштамовский образ Пушкина-солнца В. Блаженный откликается образами поэта-звезды и демиурга. Для него поэт — космическая фигура («Пуш-

кин сам из себя появился однажды на свете...», «Тот, кто собою заселял миры...»); «И голос его заполнял мирозданье...» («Поэт», 1984), поэтому и со смертью певца голос его не умолкает: «Но небо наполнено было звучаньем / И стала земля не такою, как прежде, — / И все пребывало в какой-то печали, / И все пребывало в какой-то надежде».

Такой масштаб личности поэта, понимание его предназначения как высокого и трагического, думается, частично наследован В. Блаженным непосредственно из самого «байронического» русского романтика Лермонтова, а частично из неоромантизма рубежа XIX—XX вв. Лермонтовская лексика, колорит «Демона», его космизм (3) читаются в строках В. Блаженного: «Разве есть у поэта другое отечество, / Кроме царственных звезд на высокой скале, / Где, дыша синевой, он беседует с вечностью, / Где забыл он скитанья свои на земле...» («Разве есть у поэта другое убежище...», 1997).

Говоря о себе, поэте, в первом лице, — о себе, поэте, значит, в предвестье смерти («Лицом к стене, как на расстреле / Стоял и я — лицом к бессмертию»), — лирический герой подчиняется закону романтического двоемирия и, испытывая, как и положено всем романтикам, недовольство «земной судьбой», устремляется в «иные дали и просторы». Там он свой, словно не поднялся в небо, а пошел по грибы с друзьями, и «сонмы звезд меня аукали». И завершается стихотворение в духе романтической традиции иронической нотой: «И понял я, что, как ни стонет / Душа в слепом своем томлении, / Ее и пуля не затронет — / И что не мне бояться Ленина...» («Поэт», 1997).

Поэт — звезда. Этот образ в лирике В. Блаженного вошел в автобиографический мотив, соединился с образом трагически погибшего брата («Вот еще одного на земле погубили поэта, / И еще одна в небе погасла, мерцающая звезда...»); стал стержнем стихотворения о Цветаевой «Никому неизвестен последний уют...» (1991), в котором звезда упомянута дважды: как звезда «из заржавленной жести», которой нет на могиле Цветаевой, и в составе метафоры жизненного пути поэта: «Загорелась звезда и погасла звезда, / Загорелась звезда и погасла...».

И все же главная, самая яркая звезда для В. Блаженного — это Лермонтов, что совершенно понятно, ведь «караваны звезд» (у Блаженного — «сонмы звезд») «перекочевали» к нему от этого поэта. Вот несколько «звездных» строк из стихотворений о Лермонтове: «Если Лермонтов — это звезда...» (первая строка стихотворения 1987 г.); «О Лермонтов, ты тело и звезда...» («Не выходи, Мишель, тебя убьют...», 1987); «И Лермонтов горел над высями / Кровавой алою звездой...» («Не знал Господь, что это Лермонтов...», 1989); «Лермонтова чистая слеза — / Где она, в каком сверкает небе?.. / Каждая господняя звезда / Сопереживает ее жребий...» («Ангел Лермонтова, где ты был...», 1987).

Высокое предназначение поэта, его обреченность и устремленность в вечность, видение поэта как демиурга, звезды, т.е., все рассмотренные ипостаси не могут не сойтись в одной вершине, имя которой — Бог.

Значение религиозных мотивов в лирике В. Блаженного огромно. Редкие стихи, возможно, лишь эпиграммы или другие тексты на случай, обходятся без апел-

ляции к Богу, без включения хоть каких-либо отголосков, оговорок, ассоциаций. Это отмечала Т. Бек в статье «Скиталец духа». Она определила поэтику В. Блаженного словами Д. Андреева как «сквозящий реализм», т.е. такое отображение действительного мира, при котором «сквозь внешнюю, земную, посюстороннюю... оболочку... всегда просвечивает мир иной» [6]. В таком художественном мире не может не быть места романтическому образу поэта-пророка: «И в миру объявился он снова / Средоточьем нездешнего света, / И Господь озарил его светом, / И явил себя в слове поэта» («Позабыли они песнопевца...», 1984).

Бог думает о поэтах, следит за их судьбой и чувствует вину, если поэты гибнут. Одно из самых пронзительных стихотворений в данном тематическом цикле — «Не знал Господь, что это Лермонтов...» (1989), в котором Бог после смерти поэта, чувствуя страшное одиночество и вину, становится юродивым: «Вошел он в тело юродивого / И слыл юродивым везде, / И строки Лермонтова дивные / Шептал деревьям и звезде». Тогда Бог и поэт словно меняются местами, поэт становится больше Бога: «И Лермонтов горел над высями / Кровавой алою звездой, — / И дул шумел широколиственный / Над нищей божьей головой...».

Сакральная связь поэтов с Богом в художественном мире В. Блаженного так же сложна, как и взаимоотношения с Ним самого поэта. Т. Бек назвала сходные «рокировки», «*ороднением* Бога» [6], — емкое определение для тех близких, действительно почти родственных связей, которые возникают между лирическим героем (автором, поэтом) и Богом. Они — и постоянная тревога Бога, и его боль, поскольку гении обречены на гибель: эта трагическая двойственность отражена, в частности, в последних строках стихотворения «А это Пушкин кровью истекает...» (1991): «А Бог ведь спал, забыв свою тревогу, / А Бог ведь думал, что поэты в целости».

Вместе с тем у В. Блаженного вполне возможен и такой семантический вектор: «Одиноки на свете собаки, планеты, поэты...». Или в «списке мятежников», трагически погибших поэтов Пушкина, Лермонтова, Гумилёва (4), оказывается сам лирический герой («Ах, мне самому начинает порою казаться, / Что был я когда-то расстрелян с гурьбою приспешников...»). И в том же ряду «собаки, и кошки, и волки, и зайцы» («...И все подготовлено было к чудесному празднику...», 1987).

Сочетание запредельно высокого, необъятно великого и простого, обыденного создает границы, между которыми размещается норма. Сам себя лирический герой также склонен то принижать (вспоминая о встрече с Пастернаком, уподобляет себя маленькой собачке), то превозносить до богоравного.

Всякое возвышение поэтов подразумевает бессмертие: романтические «иные пределы», вознесение, уподобление природе, звезде, Богу — каждый поворот мотива связывается с идеей бессмертия. В стихотворении «Памяти А. Тарковского» (1989) жизнь и смерть поэта словно уравниваются, и смерть, понятая как жизнь, как вознесение, как освобождение духа поэта из тюрьмы тела, приобретает положительные, а не трагические обертоны: «Это мертвое тело — оно еще живо, / Даже если вступило со смертью в согласие, / И не смерти досталась лихая пожива, / А томленье души обрело полногласье. / А случилось лишь то, что душой

стало тело, — / Облаченное временем в долгую муку, / Вознеслось оно в выси иного предела, / Протянуло созвездьям незримую руку...».

Ответвлением линии «поэт — Бог — безумец» и дополнением ее является образ поэта-бродяги, который, в свою очередь, входит в образно-тематический ряд совокупности стихотворений с названием «Блаженный» (они создавались на протяжении всей жизни поэта, их количество достаточно велико), с образами юродивого, нищего. Т. Бек считает этот ряд главным в творчестве поэта: «В пантеоне основных тем и вариаций В. Блаженного тема сквозная и важнейшая — судьба *нищего-путника*», — пишет она и замечает далее: «Синонимов в его стихах для обозначения этого „героя“ — несть числа: *побирушка, нищеврод, калека, юродивый, скиталец, бродяга, пилигрим, блаженный, убогий, калика, изгой, оборванец*. Экзистенциальный нерв этой поэзии таков: благополучие — и житейское, и внутреннее — с миром творческой личности несовместимо» [6]. Все верно в этих словах, но есть один логический пропуск, который должен быть заполнен: нищий, бродяга в художественном мире В. Блаженного — поэт («творческая личность») и часто — лирический герой. Но не только о себе он говорит «блаженный». Так, поэт-бродяга — центральный образ стихотворения «Смерть Хлебникова» (1991), к нему примыкают следующие: «Тот, кто пишет стихи, должен душу иметь Пугачёва...» (1979), «Куда же дальше, за какой предел?...» (1991), — они о поэтах вообще.

Судьба поэта трагична («Тени», 1976; «Смерть Хлебникова», 1991), и трагизм не рассматривается как нечто исключительное — это некая обобщенная «формула» судьбы русского интеллигента, которого «сначала хвалят и холят, затем сжидают со свету, а потом, уморивши, начинают снова хвалить» [7. С. 351]. Так, гибельный путь Есенина, Блока, Маяковского — это «путь поэтов российской земли» («Путь неблизкий, далекий, осенний...», 1995). В еще более обобщенно-философском варианте, без имен эта мысль высказана в стихотворении «Дальнейшая судьба поэта неизвестна...» (1992), и это стихотворение уже не только о поэте, а о вечности и о душе.

Благополучие, как отмечала Т. Бек, не только не совместимо «с миром творческой личности». Счастливые поэтические судьбы для В. Блаженного — всегда подлые судьбы. Целый ряд стихотворений и эпиграмм посвящен им — нелюбимым поэтам В. Блаженного и любимцам фортуны П. Антокольскому, А. Суркову, Б. Окуджаве, В. Высоцкому, А. Вознесенскому, Я. Хелемскому, Г. Корину, А. Аврутину, Н. Кислику, Б. Спринчану. Многие слова, сказанные В. Блаженным в адрес этих поэтов, кажутся излишне резкими, а обвинения — несправедливыми, поскольку не у каждого была безоблачная судьба, но по сравнению с В. Блаженным каждый из них — счастливчик. И он, изгой, знавший страдания и унижения и не знавший признания, не написавший ни строчки на заказ, благоговевший перед поэтами, имел право судить тех, кто, по его мнению, не соответствовал своему высокому званию.

О своей судьбе В. Блаженный часто говорит в сравнении с судьбами поэтов. Он осмысливает себя как состоящего из частей — поэтов-предшественников

(«Господи-Боже, ведь я не игрушка!..», 1993). И очень рано в его лирике возникает тема смерти, итога, конца жизни («Нет, я не Лермонтов; но я...», 1941; «Тот, кто собою заселял миры...», 1978).

Частью ситуации «смерть поэта» и ответвлением от пары образов «Дантес — Мартынов», является тема палачей-убийц, совершивших самое большое зло, сравнимое с убийством ребенка, птицы, кошки, — самых незащищенных существ, которым сострадает В. Блаженный. И отсюда, из этого ряда жертв, берет начало еще одна линия — не прямая, а свивающаяся в гнездо, — линия образов «поэты — птицы — кошки — дети» (вспомним также стихотворение «Одиноки на свете сабаки, планеты, поэты...»). Кроме линии «Дантес — Мартынов» в создании образов палачей участвует мотив счастливых и подлых поэтических судеб — судеб продавшихся поэтов. Такой сложный узел «завязывают» остропублицистические по пафосу и звучанию произведения «Служить Ваалу не накладно...», «Ветераны» («Молчат убитые поэты...»), «Ты выпустил в простор...», «Тот, кто в смерти поэта виновен...», «Клюев», «Едва я успел появиться на свет...», «Он был убийцей Гумилёва...», «Поэт» («Лицом к стене, как на расстреле...»), «Какой-то человек в безликой маске...», «На А. Суркова», «Ленин», «Гумилёв» («Последнюю розу прижал он к груди...»). Образы Дантеса и Мартынова, словно овеванные высокой поэтической славой своих жертв, даны не в открытом публицистическом ключе, а вписаны в изобразительный ряд, сопровождающий пушкинско-лермонтовскую тему. Так, «офицер с фамилией Мартынов» совершает преступление космического масштаба — убивает «у вселенной целой на виду», поскольку Лермонтов — звезда: «Офицер над высями Кавказа // Вдруг задумал погасить звезду...»). Или беседа убийц поэтов с Богом («Вот стоят перед Богом Дантес и Мартынов...» (1987), причисляющим их к «святым в аду». Это зеркальный образ: если святые возносятся выше всех в раю, то в аду «святые» — те, кто ниже всех пал и будет жесточе всех наказан. Здесь преступление «возвышено» до преступления против Бога: «— Вы убили поэтов — господнее чудо / Вы посмели убить, чтобы было мне больно!..». И в стихотворении «Ты увидишь, как снег намедает сугроб на опушке...» (1990) данная мысль продолжена и выражена более ясно: «Кто же дула на них из бездонного мрака направил, / Кто их жизни легко, как разбойник в лесу, порешил?.. / Не Дантес, не Мартынов стреляли в поэтов, а дьявол / Разрядил пистолет в поднебесных посланцев души».

В стихотворении «Не дрогнула Мартынова рука...» (1987) ситуация развертывается в вечность, в повторяемость, в символичность и, пожалуй, лишь единжды Мартынов охарактеризован в своих отрицательных *человеческих* качествах. Обращаясь к Лермонтову, В. Блаженный говорит: «Ты был убит безжалостно болваном, / Ничтожеством, случайным палачом» («О Лермонтов, не умирай так скоро...», 1992).

Частью ситуации является и мотив самоубийства, многократно повторенный в стихах о Цветаевой, Есенине, Маяковском: «Так вот они, самоубийцы!.. / Себя казнившие поэты!.. / Предсмертным заревом их лица / Горят во мраке, как кометы» («Так вот они, самоубийцы!..», 1981).

Ситуация «смерть поэта» в лирике В. Блаженного не исчерпывается названными компонентами, каждый из которых выливается в отдельную и вместе с тем неотделимую от ситуативного контекста тему. То значение, которое В. Блаженный придавал поэзии, роли и званию, точнее, миссии поэта, не могло не сказаться на характере обобщающих образов, имплицитно содержащих все образно-тематические гнезда ситуации. «Смерть поэта — всем смертям венец...», — эта строка из стихотворения «Ангел Лермонтова, где ты был...» (1987) действительно венчает и соединяет всю его поэтически-философскую мысль. Как резонно сказала по этому поводу Т. Бек, он «чеканит образную заповедь» [6]. Смерть — особый миг. Смерть поэта — поэта-звезды, пророка, небесного жителя — вселенская катастрофа, апокалипсис: «земля уходит из-под ног поэта, / обвалы неба рушатся грозой, / когда он прорицает гибель света, / когда он смерти постигает зов...» («земля уходит из-под ног поэта...», 1978).

В заключение обозначим выделенные составляющие ситуации «смерть поэта» в лирике В. Блаженного: дуэль; Пушкин, Лермонтов (Пушкин, Лермонтов, Ахматова, Гумилев, Маяковский; Лермонтов, Есенин, Ахматова, Цветаева; Байрон, Верлен, Хлебников); судьбы поэтов (трагические, счастливые, собственная судьба); поэт как космическая фигура; поэты — собаки, птицы, кошки; убийцы поэтов, палачи (поэты-самоубийцы).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Вениамин Михайлович Блаженный (Айзенштадт) (1921—1999) — поэт трагической судьбы. Начал писать в 1940 г., впервые опубликовал стихи в сборнике «День поэзии» в 1982 г. Первая книга — «Возвращение к душе» была издана в 1990 г. В Минске вышел сборник «Слух сердца». Изучение наследия В. Блаженного началось со статьи В. Аверьянова в «Вопросах литературы» (1994, № 6). Поэт оставил огромный архив. На настоящий момент опубликована лишь небольшая часть всего написанного В. Блаженным.
- (2) Поскольку в статье используется не только опубликованный, но и неопубликованный материал и впервые предпринимается попытка его систематизации, кажется целесообразным, во-первых, цитировать произведения по архивным записям, во-вторых, приводить как можно больше примеров в каждой выделенной группе с указанием названия и года написания.
- (3) Ю. Манн, отмечая «небесно-астральный, вселенский масштаб» романтического конфликта поэмы Лермонтова «Демон», пишет: «Кавказ, Земля, «кочующие караваны» звезд, беспредельная ширь эфира где-то в вышине рай, словом, весь Космос — таково художественное пространство поэмы» (Манн Ю. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма: Учеб. пособие. — М., 2007. — С. 250).
- (4) Его имя не названо, но слова «кто был в двадцать первом году равнодушно расстрелян», не оставляют сомнений в том, кого именно имеет в виду автор. В. Блаженный не раз и в стихах, и в воспоминаниях писал о том, что родился в год, когда расстреляли Гумилева.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Левинтон Г. Смерть поэта: Иосиф Бродский // Иосиф Бродский: Творчество, личность, судьба. — СПб., 1998. — С. 193—195.
- [2] Долинин А. Цикл «смерть поэта» и «29 января 1837» Тютчева // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / Под ред. Л. Киселева. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. — С. 381—395.

- [3] *Малахов В.С.* Постмодернизм // Современная западная философия: Словарь. — М.: ТОН—Остожье, 1998. — С. 324—327.
- [4] *Левин А.Б.* «Смерть Поэта». Стихотворение Владимира Ленского. Опыт параллельного чтения // Сетевая словесность. URL: http://www.netslova.ru/ab_levin/spl.html
- [5] *Сурат И.* Смерть поэта: Манделъштам и Пушкин // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/3/surat.html
- [6] *Бек Т.* Скиталец духа // Вениамин Блаженный. Стихотворения. 1943—1997. — М.: РИК Русанова, 1998. — С. 122—137. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny1-3.html>.
- [7] *Белинский В.Г.* Русская народная поэзия // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М., 1954. — Т. 5.

THE SITUATION «DEATH OF A POET» IN VENIAMIN BLAZHENNYJ'S LYRIC POETRY

Ulyana Verina

Department of Russian literature
Belarusian State University

K. Marks str., 31, Minsk, Republic of Belarus

The article is considered the complex of themes, motifs, images being together the situation «death of a poet» in V. Blazhennyj's lyric poetry. Archival material includes unpublished works (in all 270 poems).

Key words: «death of a poet», situation, motifs of a duel and death, image-theme nests.